

с. 3.

МАЛЕНЬКИЙ ЛИСТОКЪ.

Чеховские „Мужики“.

Прочтала я „Мужиковъ“ г. Чехова, и еще разъ прочтала, а потомъ опять взяла да и опять прочтала... И не идутъ у меня изъ головы эти мужики.

Финля („Нов. Вр.).

Прочтала и я ихъ, этихъ „мужиковъ“.

И простите, читатель, если ни о какихъ другихъ дѣлахъ дѣлшикахъ я не стану, я не могу говорить съ вами.

И у меня, какъ у фельетониста „Нов. Вр.“, не идутъ изъ головы мужики эти.

И никогда, кажется, въ большей степени я не была проникнута воззніемъ извѣстнаго нѣмецкаго поэта Рюккерта:

Нѣмецъ! Когда на голосъ свой
Въ сердцахъ людей ты ждешь созвучья,
Ной не весну любви живою,
А темной жизни злополучья,—

Какъ вотъ сейчасъ. Буквально ничто другое, ничто иное не идетъ на умъ.

Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя! Эта мысль все время преслѣдуетъ меня, ходить за мной неотлучно, застилаетъ всѣ наши дѣла-дѣлшники.

Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя!

Позвольте! Гдѣ это читала я объ этомъ, о такомъ-же душевномъ состояніи автора, который сводитъ свою бесѣду съ читателемъ къ этому восклицанію: „бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя!“ Да, у Щедрина, въ его рассказахъ о злосчастныхъ судьбахъ помещицъ.

Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя! О, какъ надо ихъ любить! Какъ надо жалѣть! Да и что такое настоящая любовь, какъ не жалѣніе?

„Ничто такъ естественно не вызываетъ любви, какъ бѣдность, угнетенность, скорбь и злосчастіе вообще. Любовь, сама по себѣ, есть чувство радостное и свѣтлое, но, въ большинствѣ примѣненій, въ нее громаднымъ элементомъ входитъ жалѣніе. Оно дѣлаетъ любовь дѣлательною и внушаетъ ей подвиги самоотверженія; оно наполняетъ человѣческую жизнь отравой, и въ тоже время заставляетъ человѣка стремиться къ этой отравѣ, жаждать ее, видѣть въ ней завѣтнѣйшую цѣль лучшихъ помысловъ души. Даже совсѣмъ дряблая и зачехлѣвшаяся сердца—и тѣ находятъ въ глубинахъ своихъ искру, которая не только побуждаетъ ихъ устрем-

ляться на встрѣчу злосчастію, но и ихъ самихъ согрѣваетъ и растворяетъ. Бѣдныя, бѣдныя! бѣдныя! — одна эта мысль переполняетъ все существо, переполняетъ до краевъ, не давая мѣста ни другой мысли, ни другому чувству, — переполняетъ, коритъ, призываетъ къ суду человѣческой совѣсти“.

И какъ великъ, какъ великъ, великъ такой писатель, который можетъ сдѣлать все это съ читателемъ, вызвать въ немъ такія мысли и чувства, призвать его къ суду его совѣсти! И...

Не безбожна та природа,

Не погибъ еще тотъ край..

Не безнадежна та литература, въ которой есть такіе писатели, такіе поэты, такіе художники, такіе публицисты.

Но въ чемъ-же дѣло? спросите вы: „Мужики“, мужики, и что за мужики, такъ мы и не знаемъ?

Вотъ въ двухъ словахъ въ чемъ дѣло.

Половой Славянского базара ослабѣлъ на ноги и вздумалъ, вспоминая картины ранней юности, ѣхать умирать на родину, въ деревню, въ которой у него жили еще и мать и отецъ, а также братъ Кирьякъ съ женой Марьей, и невѣстка брата Дениса, отбывавшаго воинскую повинность—Оскла. Распродавъ изъ своего московскаго скарба все сколько-нибудь стоящее, Николай, умирающій и безъ денегъ, является въ густо населенную избу родителей съ женой Ольгой и десятилѣтней дочкой Сашей. Это случилось въ срединѣ августа, а къ началу зимы онъ умираетъ. Долгую и тяжелую безхлѣбную зиму прожила еще его кроткая жена и его болѣзненная дочка въ той-же семьѣ мужиковъ, но съ наступленіемъ весны, въ лантяхъ и лохмотьяхъ, собираясь Христовымъ именемъ, плетутся они опять въ Москву-же. Въ видѣ эпизодовъ, въ ту-же картину входятъ: описание деревенскаго пожара, пріѣздъ станового для собиранія недоимки и т. п.

Но развѣ мой пересказъ дастъ вамъ хоть приблизительное понятіе объ этомъ рассказѣ? Никакого! Его нужно не пересказывать, а перепечатывать и будь это въ моихъ силахъ, я перепечатаю-бы его въ милліонахъ экземпляровъ и послалъ-бы каждому грамотѣю съ надписью: „читай, перечитывай, чувствуй, перечувствуй, и если въ тебѣ есть хоть капля совѣсти,

устыдись и сдѣлай все, что можешь, чтобы совѣсть перестала тебя укорять“.

Неужели...

— Ха-ха-ха!.. Неужели? И опъ еще сомнѣвается, спрашиваетъ?! вдругъ раздался за моей спиной взрывъ хохота.

Оборачиваюсь,—это старый пріятель, вопевшій потихоньку и прочитавшій это мое „неужели?“

— Ха-ха-ха! И ты еще спрашиваешь? Да развѣ ты не видишь, у себя подъ носомъ, на каждомъ шагу, такпхъ-же чеховскихъ мужиковъ и полиѣйшее къ нимъ равнодушіе со стороны публики! Развѣ ужасающія картины всевозможныхъ лишеній, невѣжества, нищеты, горя, отчаянія, не даютъ себя знать, чувствовать на каждомъ шагу въ жизни? И неужели ты думаешь, что чеховскій рассказъ можетъ вызвать скорѣе участіе къ этому горю ближняго, чѣмъ сама жизнь?! И если эта публика глуха и бѣда къ казалось-бы быющимъ по нервамъ явленіямъ дѣйствительности, то не наивно-ли думать, что на нее можетъ воздѣйствовать рассказъ объ этихъ явленіяхъ—принадлежи онъ перу самого Шекспира?

Ж.